

но тебя. Ты один все понял... О, старец... Священный Ибис, священный Апис...

«После Гоголя и Щедрина — Розанов с *его молитвою*. Ах, так вот где суть... Когда зерно сгнило, уже сгнило: тогда на этом ужасающем «уже», горестном «уже», слезном «уже», что оплакано и представляет один *ужас небытия и пустоты*, полного — становится безматериальная *молитва*...

Ведь в молитве нет никакой *материи*

Ни какого нет *строения*

Построения

Нет даже *черты, точки...*

Именно —

Тайна —

в *его тайне.*

Чудовищной, неисповедимой.

Рыло. Дьявол.

Гоголь. Леший.

Щедрин. Ведьма.

Тьма истории.

Всему конец.

Безмолвие. Вздох.

Молитва. Рост.

«*Из отрицания — Аврора, Аврора с золотыми перстами*». Ах! так вот откуда в Библии так странно, «концом наперед», изречено: «и быть вечер (тьма, мгла, смерть) и быть утро — *День первый*». Разгадывается *Религия*, разгадываются построения и *История*.

Строение *Дня...*

и вместе устройство *Mира*.

Боже, Боже... Какие тайны. Какая судьба.

Какое *утешение*.

А я то скорблю, как в *могиле*. А эта могила и есть *моё Воскресение...*

Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ

•
<Декабрь 1918>

Дорогой, дорогой, милый, Митя, Зина и Дима! В последней степени склероза мозга, ткань рвется, душа жива, цела, сильна!

Безумное желание кончить «Апокалипсис», «Из восточных мотивов» и издать «Опавшие листья», и все уже готово, сделано, только распределить рисунки «Из восточ. мотивов», но это никто не может сделать. И рисунки все выбраны. Лихоимка судьба свалила Розанова у порога. Спасибо, дорогим, милым, за

любовь, за привязанность, состраданье. Были бы вечными друзьями — но уже, кажется, поздно. Обнимаю вас всех и крепко целую вместе с Россией дорогой, милой. Мы все стоим у порога и вот бы лететь, и крылья есть, но воздуха под крыльями не оказывается. Спасибо милому Сереже Каблукову за письмо, очень содержательное. Что же он не пишет большого письма, которое обещал?

Теперь дела мои все устроились. Спасибо Максимушке, Саше Бенуа, спасибо Макаренко.

Господи, какие воспоминанья связаны с «Миром искусства», «Новым путем». Восходит Золотая Эос! Верю, верю в тебя, как верю в Иерусалим. Ах, все эти святыни древности, они оправдались и в каких безумных оправданиях.

Целую, обнимаю вместе с Россией несчастной и горькой.

Творожка хочется, пирожка хочется.

А ведь когда мы жили — так безумно вкусно, как в этот голодный, страшный год? Вот мера вещей. Господи, неужели мы никогда не разговеемся больше душистой русской Пасхой <...>

B. Розанов.

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

20 января 1919 г.

Дорогой, милый Алексей Максимович! Несказанно благодарю Вас за себя и за всю семью свою. Без Вас, Вашей помощи она бы погибла. 4 000 р. это не кое-что. Благородному Гершензону тоже глубокую благодарность за его посредничество и хлопоты, и вообще, всем моим друзьям несказанный поклон за заботы, хлопоты и теплое внимание. Сейчас всего больше я устал, состоянья здоровья моего крайне слабо и, кажется, безнадежно. Странное чувствую и ощущаю: прежде всего, потеря всего плана тела; я не знаю, не понимаю, как я себя чувствую, какая-то изломанность всего тела, раздробленность его. Всего лучше сравнить состояние моего тела с черными водами Стикса; оно наполняется холодной водой с самой ночи. Это состояние невыносимое: представьте себе ледянную воду, наполняющую Ваше тело. Никаких сил выдержать, а держаться приходится.

Вот сейчас лежу, как лед мертвый, как лед трупный. Много думаю о Вас и Вашей судьбе. Какая она, действительно, горькая, но и, действительно, славная и знаменитая. И дай Вам Бог еще успеха и успеха большого. Вы вполне его заслуживаете. Ваша «Мальва» и барон составляют и уже составили эпоху. Так это и знайте. Ну еще, Максимушка дорогой, прощай и не